

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ.

Объявленія за строку берутъ —
завим. ею мѣсто: въ Латвіи въ текстѣ
1 Л. 50 с., позади текста 38 сант., не вносящ.
торг. характ. до 15 стр. — 29 сант., предл. в
спросъ труда 10 с., включ. городск. налогъ.
Для заграничья 60 швейц. сант. за строку.

Редакція: **Rīgā, Dzīrnavu ielā 57.**
Тел.: ред. — 21219, гор. хрон. — 21733
и 21334, ночная редакція — 21334.

Главная контора и экспедиція: **Rīgā,
Dzīrnavu ielā 57.** Тел. конторы 21030,
телефонъ рекламнаго отд. 21225.

СЕГОДНЯ

№ 321.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

**Вторникъ,
20 ноября 1934 года**

Цѣна номера въ Латвіи 12 сант.
Въ Литвѣ за оба изд. 50 цент. **Подписная
плата на „Сегодня“ въ мѣсяцъ** (за
7 номер. въ недѣлю) въ Латвіи 3 Л. 75 сант.,
заграничья 6 Л. 20 сант. или 5.20 шв. франк.
**Подп. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня
Вечеромъ“** (13 ном. въ нед.) въ Латвіи
Л. 6.—, загр. 8 Л. 50 сант. или 8.50 шв. фр.

16-й г. изд.

Вѣроваль ли Чеховъ?

УМЪ И СЕРДЦЕ. — РАЗГОВОРЪ ЧЕХОВА СЪ БУНИНЫМЪ. — РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И РЕЛИГІЯ. — ТОЛСТОЙ И ЧЕХОВЪ. — ВѢРОВАЛЪ - ЛИ?

Умомъ не вѣрилъ, утверждалъ, что Бога могутъ признавать только необразованные, темные люди. А сердце напентывало друга слова. Въ своемъ неслышномъ, тихомъ призывѣ Чеховъ былъ ближе, чѣмъ кто-нибудь къ небесному откровенію и Богу. Исполнившийся въ этомъ году юбилей писателя далъ новую тему для М. Курдюмова, и его книга „Сердце смятенное“ говоритъ о Чеховѣ, какъ о религиозно чувствующемъ человѣкѣ. (УМСА Прессъ. Парижъ, 1934).

Это вѣрно: не надо смѣшивать міровоззрѣнія и мироощущенія. У художниковъ слова они не всегда совпадаютъ. Иные, даже самые крупные, писатели пригнетали свое сердце, подчиняли свое воспріятіе міра той или иной системѣ идей. Въ этомъ смыслѣ Толстой, при всей своей гениальности, какъ художникъ, былъ совсѣмъ не свободенъ.

Миръ его идей давилъ на творчество, — Тургеневъ былъ свободнѣй. „Сокровенный сердца человѣкъ“ вѣрный своему подсознательному началу, не можетъ идти на поводу логики, отвлеченныхъ идей, системы міросозерцанія, холодныхъ философскихъ предположеній.

Въ отличіе отъ Толстого и Достоевскаго, пророковъ и учителей, Чеховъ — прежде всего и больше всего художникъ. Творческій масштабъ здѣсь значительно шире кругозора. Чеховъ еще и одинъ изъ самыхъ свободныхъ художниковъ въ русской литературѣ. И своей личностью, и духовнымъ обликомъ своихъ героевъ — интеллигентовъ, Чеховъ знаменуетъ кризисъ русскаго рационализма. „Умъ съ сердцемъ не въ ладу“ у Чехова былъ всегда. Въ этомъ смыслѣ очень цѣнно свидѣтельство Бунина. Чеховъ много разъ говорилъ ему, что безсмертіе, „жизнь послѣ смерти въ какой бы то ни было формѣ — сущій вздоръ“:

— Это — суетвѣріе. А всякое суетвѣріе ужасно — объяснялъ Чеховъ. — Надо мыслить ясно и смѣло. Я, какъ дважды два — четыре, докажу вамъ, что безсмертіе вздоръ.

Но потомъ нѣсколько разъ, еще тверже, Чеховъ говорилъ прямо противоположное:

— Ни въ какомъ случаѣ мы не можемъ исчезнуть безъ слѣда. Обязательно будемъ жить послѣ смерти. Безсмертіе — фактъ. Вотъ, погодите, я докажу вамъ это.

Все время происходила у Чехова борьба между этими двумя началами, — умомъ и сердцемъ. Тонко и глубоко онъ ощущалъ основную стихію русской души — русское богоискательство. Чисто христіанской была у него и „жалостливость“. Онъ изображалъ опустошенную личность, и, все-таки, неизмѣнно смягчалъ ужасъ человѣческаго паленія. Главной темой Чехова была трагическая судьба человѣка въ мірѣ.

Богоискатель Толстой написалъ „Воскресеніе“, а невѣрующій Чеховъ — „Архіерей“, „Святою ночью“, многое другое, написалъ вопреки господствующимъ вкусамъ

своего времени, никогда у него не было ни узости, ни нетерпимости. Мысль о религіи, о церкви возвращала Чехова и его героевъ къ дѣтству, къ началу жизни, къ чистоту, ничѣмъ неповрежденному воспріятію міра.

Больше всего и страстнѣй всего Чеховъ искалъ правды, смыслъ бытія, заглядывалъ въ самое сокровенное человѣческихъ душъ. И у него подвижники науки, невѣрующіе профессора, рационалисты, каявшиеся люди, молодые, наивные церковнослужители освѣщены, какъ непріученные странники, на зыбкой землѣ. Вездѣ, по христіански, Чеховъ искалъ въ каждомъ изъ нихъ „Бога живого человѣка“.

Въ конечномъ итогѣ — вѣровалъ-ли Чеховъ? — задаетъ вопросъ М. Курдюмовъ, и категорически на это не отвѣчаетъ. Вѣроятно, на протяженіи своей, сравнительно, недолгой жизни, самъ Чеховъ не нашелъ для себя окончательнаго отвѣта, жилъ въ постоянномъ колебаніи души, былъ увѣренъ, что „никто не знаетъ настоящей правды“. Послѣдній выводъ Чеховъ унесъ въ могилу. Но никогда не заявлялъ себя среди невѣрующей интеллигенціи непоколебимо вѣрующимъ христіаномъ, и все-таки, имъ былъ, ибо „возлюбилъ много“. Конечно, такое утвержденіе — не итогъ, не всеобъемлющій выводъ. Но категоричности въ такихъ вопросахъ нельзя искать.

Душевные тайники Чехова требуютъ не анализа, а чуткости и постиганія, къ нимъ надо прислушиваться, ихъ ощущать. Совершенно правильно М. Курдюмовъ не скупился на цитаты: выдержки, строки, отрывки чеховскія слова, фигуры его героевъ, ихъ терзанія, сомнѣнія и скорби прямѣй и внушительнѣй доходятъ къ намъ, черезъ нихъ безъ излишняго напряженія мы легко можемъ разслышать и голосъ самого писателя, — скрытно таящееся притяженіе къ вѣчному, къ Богу, къ вѣрѣ, къ тому, что успокаиваетъ самыя мятущіяся и тоскливыя души.

Другъ несчастныхъ — Чеховъ въ своихъ основныхъ настроеніяхъ не могъ быть враждебнымъ велѣніямъ челоѣчности, внушеніямъ жалости и сочувствій.

П. П.